

Говорит, у каждого времени свои песни. Почему же, когда в каждом доме отмечают горькую и вместе сладостную годовщину Победы, из раскрытых окон снова разутся песни военной поры, и среди них, конечно, «Темная ночь» Никиты Богословского?

Почему она не осталась навсегда там, в грозной године, родившись с простыми и вечными, как заклинание, словами: «Верю в тебя, дорогую подругу мою...» над грохотом снарядов, скрежетом железа, стоном раненых? Зачем надтрывает душу? Ведь война давно окончилась...

НИКИТЕ Владимировичу я позвонил перед майскими праздниками. Он ответил, что уезжает на несколько дней в Сибирь. Куда и зачем — не уточнил. Прошло время, он вернулся в Москву, мы встретились, и тут только все разъяснилось...

— Есть в Тюменской области городок с названием Урай. Я о нем никогда ничего не слышал. Добраться туда можно только самолетом. Да и то, если летная погода. Город маленький, вышел за его пределы — и тебя со всех сторон обступает тайга. Много я встречал городов на свете, но такого, в котором не было бы не то что бараков, а даже коммунальных квартир, — видеть не приходилось! Что еще меня поразило, так это характер его жителей. Работа у нефтяников очень тяжелая, правда, хорошо оплачивается. Они могут позволить себе купить что угодно, даже автомашину. Могут, но не покупают. А зачем, если она им без надобности? Сибиряки в курсе того, что происходит сейчас в литературе и искусстве. Милые и очаровательные люди, они устроили нам горячий прием. Я выступал с певцами братьями Сергеем и Николаем Радченко, которые исполняли мои песни. И вот впервые я встречал День Победы не в ЦДЛ с писателями, а в маленьком сибирском городке вместе с тамошними ветеранами великой войны...

— Никита Владимирович, мы с вами беседуем накануне вашего 75-летия, и тут без некоторого подведения итогов не обойтись. Даже мысленно представить ваш творческий багаж не так-то просто. К примеру, музыкальный раздел — в нем песни и романсы, оперы и оперетты, музыкально-лирические драмы и симфонии, музыка к фильмам и спектаклям. В литературном — роман, повести, рассказы, эссе. Что касается сатирического, тут фельетоны, пародии, игры, шутки. А ведь есть еще и журналистика: статьи, интервью, реплики... Дотошные исследователи подсчитали: одних только симфоний за вами числится восемь, оперетт восемнадцать, песен около четырехсот, вы выпустили в свет свыше семидесяти пластинок, четыре книги юморесок, роман «Интересное кино» и т. д. и т. п. Помилуйте, по какому цеху прикажете вас числить?

— Ну, конечно, прежде всего я музыкант. Литература у меня не хобби, а вторая профессия. И тут я вовсе не оригинален. Есть немало людей в искусстве со «сдвоенными» и даже «строеными» профессиями. Скажем, драматург и он же режиссер, композитор и он же одновременно исполнитель. Что касается примера «строеной» профессии... Давайте заглянем в справочник Союза кинематографистов СССР. Вот, пожалуйста, Евгений Евтушенко. О нем сказано: «кинодраматург, кинорежиссер, актер». Я уже не говорю о его четвертой профессии, о которой справочник скромно умалчивает...

Мне кажется, широта творческого диапазона — характерная черта нашего времени. Сейчас многие интересно и неожиданно проявляют себя в самых разных областях искусства. Музыка для меня, повторяю, основное. Роман, статьи, повести, шутки на 16-й полосе «Литературной газеты» — это все-таки на втором плане, но это и не «творчество наших читателей», как пишет «Вечерка».

— Хотя вы и принадлежите к «много-станочникам» в искусстве и отдаете дань всем известным жанрам, можно все же уловить одну характерную особенность. Начиная с первых сочинений, а это были опера «Ревизор» и оперетта «Ночь перед рождеством» по Н. Гоголю, и кончая оперой «Соль» по рассказу И. Бабеля, симфонической повестью «Василий Теркин» по А. Твардовскому и музыкально-лирическими драмами «Незнайка» и «Балаганчик» по А. Блоку, вы

постоянно черпаете вдохновение в изящной словесности...

— Да, это так. Однако, общаясь с изящной словесностью, я все же делаю строгий отбор. «Ночь перед рождеством» (сценический вариант Н. Эрдмана и В. Масса) — это мой дебют как композитора. Он связан с забавным происшествием. На премьеру спектакля, которая состоялась в 1929 году в Ленинграде, автора не пустили по причине его несовершеннолетия. Тетя контролер схватила при входе maestro за рукав и строго сказала:

ВЕРЮ В ТЕБЯ

— Тебе, мальчик, нельзя, придеши с мамой на утренник!..

В опере «Ревизор», которую я не закончил, использован текст Гоголя без всяких переделок. А вот для оперы «Соль» по рассказу Бабеля либретто с первоклассными стихами написал поэт с трагической судьбой Борис Корнилов, ныне полностью реабилитированный. Что касается Блока, то его стихи существуют в том виде, в каком вышли из-под пера великого поэта. Я лишь позволил себе в «Незнакомке» вставить несколько баллад на его же стихи. «Василия Теркина» я задумал еще в годы войны. Уже были готовы десять музыкальных глав, к каждой из которых был предпослан стихотворный эпиграф из поэмы. Никогда не мог найти соответствующую форму. Опера? Балет? Потом решил: будет симфоническая повесть! О простом русском солдате, о его неунывающем характере мне хотелось рассказать понятным для каждого слушателя языком. При этом использовал самые современные средства, как бы синтезировав симфоническую и популярную музыку. Ввел чтеца, читающего стихи перед каждой главой. Это сочинение исполняется во многих странах. Недавно была премьера в Китае.

— Как вы приобщились к книге? Кто открыл вам ее красоту и силу?

— Я родился в интеллигентной семье. Книга у нас почиталась святым делом. Существовала семейная традиция — знать хорошо классику и современные произведения. Не удивительно, что очень рано меня потянуло к книгам. Увлекал сам процесс чтения. Первые книги? Мне было семь лет, когда я прочел «Анну Каренину» — и ничего, конечно, не понял. Потом, как водится, все нормализовалось. Один за другим проглатывались тома Ююля Верна, Майн Рида, Луи Жаколио, Брет-Гарга, дальше пошло-поехало... Сейчас у меня, думаю, книг тысяч двенадцать будет... Я держу книги не по причине их редкости или антикварности, а скорее те, которые люблю перечитывать. Несмотря на величину моей библиотеки, у меня вы не найдете многих из тех авторов, чьи имена постоянно мелькают на страницах прессы не только в качест-

ве литераторов, но и руководителей Союза писателей СССР разного ранга.

— Можете ли вы назвать книгу, которая вами особенно почитаема?

— Милее всего мне, как ни странно, книги Аркадия Аверченко. Вероятно, потому, что у меня природная склонность к юмору. Но я готов стать на колени перед великими писателями всех стран и народов.

— Произведения каких авторов входят в ваш круг чтения?

— Круг несколько странный... В нем О. Генри, Чехов (за исключением пьес Антона Павловича, в которых я ничего не могу разобрать), Зощенко (горячая любовь к его книгам связана у меня с многолетними теплыми отношениями с Михаилом Михайловичем), Честертон, Бернард Шоу и второсортный английский романист Уильям Локк (полное собрание сочинений его я частенько снимаю с полки).

А мой самый нелюбимый писатель — извините! — Максим Горький. Ранние его произведения («Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» и другие) я считаю пошлостью. Произведения же позднего периода, особенно «Жизнь Клима Самгина», мне попросту неинтересны. Впрочем, понимаю, что моя личная оценка отнюдь не умаляет огромности фигуры Горького-литератора. К сожалению, Горький своей неосмотрительной статьей «О музыке толстых» (1928), которую в те времена сочли директивной, на много лет задержал развитие советской легкой музыки.

Тут мне, собеседнику композитора, хочется, как говорят участники популярных телепередач, взять тайм-аут. Было бы бестактностью с моей стороны поучать Никиту Владимировича в отношении его литературных вкусов. Но он, быть может, невольно чувствительно задел то, что мне лично дорого. Я, например, очень люблю ранние вещи Горького — в них много свежести, простора и света, звучит высокий и чистый голос писателя. Будь он замешан на лжи и пошлости, его вряд ли услышала бы и подхватила молодая Россия, горячо приветствовавшая своего певца. Что касается романа «Жизнь Клима Самгина», то и он живет своей невозмутимой жизнью классического произведения, равнодушной к моде и сменам нумиров. Ее не



смогли поколебать и недавние жаркие споры в связи с телеэкранизацией эпопеи.

Но вернемся снова к беседе.

— Введите нас в свою творческую лабораторию. Что дает импульс вашему творчеству? Прочитанная книга? Событие? Встреча?

— Прочитанная книга обычно рождает у меня зрительные образы, которые незаметно трансформируются в звуковые. В таких случаях рождается программная музыка, продолжающая сложный путь по смежным человеческим чувствам, внутреннему зрению и слуху. А реализуется это уже с помощью профессиональной техники. Бывает и так, что бытовые звуки и шумы рожают музыкальные сюжеты. Так, однажды длительный телефонный разговор натолкнул меня на сюжет. Получился струнный квартет с подзаголовком «Маленькая ночная беседа». Скрипка и альт вели беседу по

АВТОГРАФ ДАЕТ КОМПОЗИТОР НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ

телефону от имени двух влюбленных, вторые скрипки имитировали всевозможные телефонные сигналы от «занято» до звуков мембраны при наборе номера, а виолончель играла роль внезапно разбуженного абонента, чей номер набран неправильно... В финале этого квартета, который носит название «Отчетно-выборное собрание членов ЖСК», отчетливо различимы голоса председателя собрания, докладчика и скандалящих пайщиков. Вот такие литературно-драматические ситуации я очень люблю использовать в музыке.

— Как вы относитесь к таким популярным телепередачам, как «Что? Где? Когда?», «Вокруг смеха», «КВН»?

— «Вокруг смеха» совсем не нравится, потому что мне эта передача напоминает актрису пенсионного возраста, которая никак не хочет покидать сцену, несмотря на тактические советы ее коллег и друзей.

А «КВН», с моей точки зрения, передача очень симпатичная, но ее участники, как, впрочем, и игроки «Что? Где? Когда?», беспрестанно обнаруживают чрезвычайно слабые познания в области литературы и искусства. Может быть, проходящая реорганизация нашей школы поможет ликвидировать пробелы в гуманитарном образовании подрастающего поколения?

— Довольны ли вы тем, как идет в Союзе композиторов перестройка?

— Никакой перестройки в Союзе композиторов нету, поскольку для нас, композиторов, абсолютно ничего не изменилось: каждый из нас как сочинял музыку с доставшимся ему дарованием и выбранным стилем и жанром, так и продолжает в таком же духе. У меня серьезное музыкальное образование, я много читаю, много езжу по стране и по свету, встречаюсь с самыми разными людьми, я, как принято говорить, политически грамотен и поэтому никак не могу взять в толк, почему мною должны руководить пятнадцать секретарей Союза композиторов СССР, девять секретарей Союза композиторов РСФСР, председатель правления Московского отделения Союза и два его заместителя? Скажите на милость, что я сделал такого плохого или неправильного, что мною руководит одновременно столько народу? Вот в чем надо перестраиваться на шему Союзу!

— Вопрос, как теперь принято говорить, на засыпку...

— Понимаю, понимаю... Видите ли, какая штука... Я не суеверен, но предпочитаю не говорить о своих творческих планах. Давно уже заметил: ни разу мои прогнозы не оправдались. Одно скажу — продолжаю собирать материалы для неизбежных в моем возрасте мемуаров. Придумал даже заглавие — «Что было и чего не было». И все!..

Беседу вел
Ким ЛЯСКО.

НА СНИМКЕ: народный артист СССР Н. В. Богословский.
НОВЫЕ БОГОСЛОВСКИЕ
(название с разрешения автора)

● Разведенный муж грустно пил такой же спирт.

● Новый эстрадный жанр: розенбарды.

● «Красная стрела» — это скорее не название поезда, а имя вождя индейцев.

● «Ушел от нас...» и «Уехал от нас...»

— совершенно различные понятия.

● Стокгольм — город контрастов. Рядом с красивыми новыми домами стоят еще более новые и красивые.

Никиты Владимировича

Скрипка и альт вели беседу по

20.08